

Чан Я погладил сытый живот и сладко зевнул — стоящая на столе миска опустела. Стоило утолить голод, как навалилась сонливость. Когда желудок полон, и боль, и обида, и горькое чувство несправедливости кажутся уже не такими невыносимыми. Мальчик потянулся и, едва переставляя ноги, доплелся до кровати.

Цэнь Сяолу у себя в комнате тоже не ложился. Их разделяла лишь тонкая стена, поэтому он отчетливо слышал каждый шорох: вот Чан Я поднялся, вот, судя по звукам, поужинал и снова улегся. Выждав добрую четверть часа, Сяолу достал из тайника под кроватью небольшой пузырек и бесшумно вышел в коридор.

У дверей Чан Я было темно — свеча погасла. Сяолу осторожно толкнул створку и скользнул внутрь, притворив за собой дверь.

В комнате царил сумрак, лишь бледное пятно лунного света дрожало на полу. Выждав, пока глаза привыкнут к темноте, Сяолу медленно подошел к постели. Чан Я спал глубоко и безмятежно; он больше не прятался под одеялом с головой, а лежал на спине, мерно и тихо дыша.

Когда Сяолу присел на край кровати, мальчик во сне перевернулся на бок, лицом к нему. Теперь в неверном лунном свете все было видно как на ладони: щека Чан Я сильно распухла, искажая черты лица, на коже запеклись соленые дорожки слез, а ресницы все еще были влажными. Веки покраснели и припухли — видно было, что он немало выплакал.

У Чан Я была кожа, на которой любая отметина расцветала ярким цветом и долго не сходила. Сяолу вспомнил, как после ушиба на лбу след держался почти месяц — даже сейчас, если присмотреться, то место чуть отличалось по цвету.

Убедившись, что мальчик спит крепко, Сяолу осторожно выпростал его руки из-под одеяла. На ладонях багровели полосы от ударов линейки, резко выделяясь на бледной коже. Но, к удивлению Сяолу, помимо этих следов, они были покрыты мелкими ссадинами и царапинами, словно Чан Я обдирал их о камни или гравий.

Сяолу нахмурился. Он еще плохо знал характер своего спасителя, но понимал, что тот часто бывает по делам в городе и вряд ли мог так нелепо расшибиться на ровном месте. Припухшая щека, поздний приход, странное поведение — все это наводило на мысли, что вчера случилось нечто серьезное.

Он откупорил принесенный пузырек. Лекарство, которое дал ему Чан Фулянь, было прозрачным, без запаха и по консистенции напоминало густой сироп. Стоило нанести его на рану, как оно тут же останавливало кровь, снимало отек и приносило живительную прохладу, усмиряя жгучую боль.

Сяолу бережно и тщательно распределил мазь по ладоням Чан Я. Кончиками пальцев он чувствовал жар — настолько сильными были удары наставника.

Вчера днем, когда Сяолу стоял у дверей Чан Я, Чан Фулянь позвал его к себе. Старик долго говорил с ним, расспрашивал, советовал не стесняться и во всем обращаться к Чан Я. Он сказал, что у внука мягкое сердце: за крупицу доброты тот оплатит сторицей. Наставил их жить в ладу и во всем поддерживать друг друга, особенно за пределами дома.

Сяолу внимал каждому слову. Чан Я спас ему жизнь, и этот долг невозможно было забыть. Он решил стать учеником лекаря Чана и готов был принять любые условия, даже если Чан Я обладал теми же силами, что и он сам. Но была одна вещь, о которой он просил наставника: наказывать его так же, как и внука. Чан Я получил сполна, и Сяолу не считал себя вправе пользоваться милостью, пока другой страдает.

Видя твердость в глазах мальчика, Чан Фулянь согласился. У него не было формального права наказывать чужого ребенка, но Сяолу сам настоял на этом. Старик был тронут его благородством и в то же время опечален, втайне надеясь, что решение приютить этого юношу было верным.

Те два удара линейкой были нанесены в полную силу. Чан Фулянь знал, чего хочет Сяолу: разделить ношу. Он не мог обмануть ожидания этого мальчика.

Перед уходом старик протянул Сяолу тот самый пузырек:

— Это поможет снять боль и отек. Завтра вам с Я-эром снова отправляться по делам.

... Вернувшись мыслями в реальность, Сяолу спрятал руки Чан Я обратно под одеяло. Изначально он пришел только ради ладоней, но теперь лекарство пригодилось и для лица. Он осторожно смазал распухшую щеку мальчика; полностью отек к утру не сойдет, но, по крайней мере, лицо не будет выглядеть таким пугающим.

Перед тем как уйти, Сяолу бросил взгляд на пустую миску на столе и, удовлетворенно кивнув, бесшумно покинул комнату.

Утром Чан Я проснулся в гораздо лучшем расположении духа. Тяжесть в теле почти исчезла, осталась лишь легкая ломота в пояснице. Он привычно умылся, вымыл вчерашнюю миску в кухне и вернулся в комнату. Только сейчас он начал замечать нечто странное.

Он раскрыл ладони: мелкие ссадины затянулись, а багровые полосы от линейки заметно побледнели. Но главное — он мог свободно сжимать и разжимать кулаки. Боль, которая вчера казалась нестерпимой, магическим образом испарилась. Чан Я провел языком по внутренней стороне правой щеки: если нажать сильно, было неприятно, но того невыносимого ощущения пожара, как вчера, больше не было.

Чан Я приободрился. Он решил, что раны были не такими уж глубокими, а вчерашние страдания — лишь плодом его расстроенных чувств. Конечно, воспоминания о Фу Лоу все еще отдавались в душе неприятным холодком, но ощущение, что мир рушится, прошло. Не мог же он вечно предаваться унынию? В конце концов, Фу Лоу не встречается на каждом шагу. А что касается этого доносчика Цэнь Сяолу... Что ж, Чан Я решил посмотреть на его дальнейшее поведение.

За завтраком Чан Фулянь, Чан Я и Цэнь Сяолу сидели за одним столом. Как ни старался мальчик прикрывать правую щеку рукой, от острого взгляда деда ничего не укрылось. Чан Я понимал, что не может вечно прятать лицо, но бояться не переставал — вдруг дед снова рассердится?

— Я-эр.

Голос деда прозвучал неожиданно. Обычно во время еды Чан Фулянь требовал соблюдать тишину.

Чан Я послушно отложил палочки и проглотил рис.

— Да, дедушка?

Чан Фулянь перестал есть и в упор посмотрел на внука:

— Что у тебя с лицом?

Скрываться дальше было бессмысленно. Чан Я убрал руку, обнажая припухшую щеку. Единственное, что его радовало — отпечатков пальцев уже не было видно, иначе ложка бы не сработала.

— Это... я вчера возвращался и не заметил гнездо. Какая-то шальная пчела ужалила, — это было лучшее, что он смог придумать на ходу.

Чан Фулянь подался вперед, желая осмотреть рану. Укус пчелы — дело серьезное, а если она была ядовитой...

Увидев, что дед приближается, Чан Я в панике отшатнулся. Он до смерти боялся, что старик распознает ложь. Мальчик потерял равновесие и едва не упал с табурета навзничь, но Сяолу, сидевший рядом, среагировал мгновенно и подхватил его.

— Сядь ровно, — строго сказал Чан Фулянь, усаживая внука на место. К счастью, он больше не пытался заглядывать в лицо, видимо, поверив.

Сяолу помог Чан Я выпрямиться и спокойно добавил:

— Учитель, та пчела была не опасной. Все обойдется.

— Да, дедушка, правда, все хорошо, — Чан Я хоть и не понимал, почему «доносчик» вдруг решил ему подыграть, но не стал упускать шанс замять дело.

— Хорошо, — кивнул Чан Фулянь. Судя по виду щеки, яда действительно не было, но осторожность не помешает. — Сяолу, когда пойдете сегодня по делам, загляните к доктору Таню.

— Слушаюсь, — ответил Сяолу.

Готовое сорваться «Не нужно!» застряло у Чан Я в горле. Пришлось лишь тихо буркнуть:

— Хорошо...

Чан Фулянь уже подготовил письма-приглашения на очную диагностику для шести просителей. Трех нужно было навестить в деревне Чжуанлю, одного — в соседней Хэси, и еще двоих — в самом Сяшуге, в поместьях Цао и Шуй.

Забрав письма, Чан Я и Сяолу отправились в путь. По дороге им встретился Вэй Тун на своей повозке и предложил подвезти.

Сяолу устроился внутри, а Чан Я сел на козлы рядом с Вэй Туном.

— Там же удобнее, чего ты здесь ютишься? — кивнул Вэй Тун на полог.

Чан Я упрямо покачал головой. Сидеть в тесном пространстве с Сяолу ему сейчас хотелось меньше всего.

— Там душно. А здесь ветерок, да и с тобой поболтать можно.

Вэй Тун усмехнулся. Чан Я совершенно не умел скрывать чувства: стоило ему залезть на повозку, как он принялся всячески избегать взгляда юноши внутри. Ясно — повздорили.

— Послушай, — по-доброму сказал Вэй Тун, — иди внутрь. Там тоже окна есть, и ветер будет, зато пыль в глаза не налетит.

Но Чан Я был непреклонен:

— Нет, оттуда разговаривать неудобно.

Вэй Тун прыснул от смеха.

— И что тут смешного? Кстати, высади нас на перекрестке перед Сяшум, нам в Чжуанлю надо.

— Ладно, ладно, — Вэй Тун едва сдерживался, чтобы не расхохотаться в голос, боясь, что Чан Я на него обидится.

— Секунду, — внезапно раздался голос из повозки. Полог откинулся, и Сяолу, выглянув, обратился к вознице: — Брат Вэй, будь добр, вези нас сразу в клинику.

— А? — опешил Вэй Тун. — Но Чан Я сказал, что вам в Чжуанлю.

Чан Я, не поворачивая головы, отрезал:

— Мы едем в Чжуанлю.

Сяолу продолжал как ни в чем не бывало:

— Чан Я ранен. Нам нужно, чтобы доктор Тань его осмотрел.

— Ранен? — Вэй Тун встревоженно глянул на мальчика. — Это из-за щеки?

— Именно, — подтвердил Сяолу. — Его пчела ужалила.

— Ты... — Чан Я задохнулся от возмущения. Он же сам выдумал эту пчелу для деда, и Сяолу это прекрасно знал!

Вэй Тун серьезно кивнул:

— Тогда конечно. С пчелами шутки плохи, надо показаться врачу.

— Благодарю, брат Вэй, — Сяолу вежливо сложил руки.

— Не за что.

— Вэй Тун, не слушай его! — взорвался Чан Я. — Пустяки это, останови на перекрестке!

— Ну... — Вэй Тун замялся, не зная, кого слушать.

— Чан Я, — спокойно произнес Сяолу, — наставник велел нам зайти к доктору Таню.

Этот аргумент крыть было нечем. Не мог же Чан Я заявить при свидетелях, что не собирается слушаться дедушку. Мальчик поник.

Вэй Тун, видя, что спор окончен, хлестнул вожжами:

— Все, Чан Я, едем в клинику.

У Медицинской клиники рода Тань друзья сошли с повозки. Вэй Тун отправился на задний двор звать Тань Цзиминя, а Чан Я и Сяолу остались ждать в приемной.

Сяолу замер у входа, а Чан Я, скрестив руки на груди, привалился к косяку с другой стороны, демонстративно отвернувшись и презрительно фыркнув.

— Расскажи лекарю все как есть, — невозмутимо посоветовал Сяолу.

— Обойдусь без твоих советов! — огрызнулся мальчик.

Сяолу покосился на него:

— Как знаешь. Но случай с «шалльной пчелой» довольно редкий, стоит отнестись к нему со всей серьезностью.

Чан Я развернулся и гневно уставился на него:

— Ты... ты же прекрасно знаешь, что не было никакой пчелы!

— Я? — Сяолу оставался само спокойствие. — Я знаю лишь то, что ты сам сказал.

Чан Я лишился дара речи.

— Я-эр, что случилось? — из внутренних покоев вышел Тань Цзиминь.

— Божественный лекарь Тань, — Сяолу почтительно поклонился.

— А, — старик узнал юношу. — Идешь на поправку?

Сяолу выпрямился:

— Благодаря вашим чудесным снадобьям я чувствую себя гораздо лучше.

— Пустяки, — отмахнулся лекарь. — Это мой долг. — Он повернулся к Чан Я: — Вэй Тун говорит, тебя пчела обидела?

Чан Я замялся, потирая затылок:

— Доктор Тань, понимаете, на самом деле...

— Что «на самом деле»? — Тань Цзиминь, видя его нерешительность, не стал слушать оправдания и увлек мальчика в смотровую.

Там Чан Я пришлось честно рассказать обо всех своих ушибах. Доктор Тань осмотрел его и задал странный вопрос:

— Ты уже мазал чем-то раны?

Чан Я уверенно покачал головой:

— Нет, ничем.

Старик на мгновение задумался, но расспрашивать не стал. Лекарство явно было хорошим и шло на пользу. В итоге он выписал две вещи: мазь для лица и рук и лечебное вино для втираний, чтобы разогнать застой крови и убрать синяки.

Поблагодарив лекаря, Чан Я вышел. Тань Цзиминь позвал Вэй Туна, чтобы тот помог собрать снадобья.

Чан Я стоял у двери и случайно заметил в проеме заднего входа чью-то фигурку. Это был ребенок, на вид даже меньше его самого — совсем худенький и щуплый, в простой, но чистой одежде из грубой ткани. Мальчик держался очень прямо. Чан Я успел увидеть лишь его спину, прежде чем тот скрылся из виду.

Вскоре подошел Вэй Тун с лекарствами.

— Вэй Тун, а кто это был? — любопытствовал Чан Я. — Я его раньше здесь не видел.

— А, этот? — Вэй Тун принялся упаковывать свертки. — Он не местный. Приехал недавно, наставник его приютил. Живет здесь же, в мезонине. Днем учится в академии Минли, так что в клинике его почти не застать.

— Понятно, — кивнул Чан Я.

— Вот, держи. Мазь накладывай регулярно, а вино... — Вэй Тун кивнул на стоящего у входа Сяолу, — попроси того парня, пусть поможет растереть. Сам не дотянешься.

Чан Я проследил за его взглядом и наткнулся на спокойный взор Сяолу. Тут же отвернувшись, он выхватил пакет:

— Сам справлюсь!

Дорога от Сяшуя до Чжуанлю была неблизкой. С разрешения доктора Таня Вэй Тун оставил повозку ребятам. Один из подмастерьев хотел было сесть за кучера, но Сяолу вызвался сам. Чан Я решил, что лекарь и так оказал им огромную милость, и не стоит отвлекать людей от работы. Поблагодарив всех, они отправились в путь: на этот раз Чан Я сидел внутри, а Сяолу правил лошадьми.

<http://bllate.org/book/17545/1709031>